

Виктор Садовничий: Добрый день, уважаемые участники Форума. Мы собрались в Шуваловском корпусе, в актовом зале на 5-ю конференцию, проводимую организаторами. Этот форум стал известным, на нем выступали и нобелевский лауреат Алферов, и Евгений Максимович Примаков, и Якунин, и Глазьев, и много других известных людей, которые делились своим мнением о будущем нашей страны, о развитии экономики и здесь всегда собиралось много неравнодушных людей, которые предлагали идеи, предлагали идеи альтернативные, иногда смелые, иногда очень проработанные. И все Форумы заканчивались тем, что все мы желали лучшего нашей стране. Именно московский университет то место, где можно высказывать разные точки зрения, делиться ими. Важно, что мы все хотим сделать для нашей экономики и для нашей страны лучший путь. Сегодня время, как всегда, особенное. Мы впечатлены теми поворотами мировой истории, которые произошли. Наверное, будут звучать разные прогнозы, будут описываться разные ожидания и разочарования в связи с произошедшими в мире событиями. Но так и должно быть. И мне кажется, такие форумы войдут в историю Московского университета и в историю страны. Они собирают тысячи людей, и все вы хотите обсуждать лучший путь нашей страны.

Вчера в этом зале заседала такая же конференция, посвященная столетию революции в России. Собралось столько же людей, тоже неравнодушных. И совпадение, что обсуждали практически тот же вопрос: революция 1917 года – что это? И какие последствия этого, конечно, грандиозного события и поворота. Я очень рад, что именно здесь, в Московском университете, проходят такие конференции. Пожелаю вам успехов и хорошей дискуссии.

Я хотел бы вспомнить слова графа Бенкендорфа, написанные по поводу философических писем Чаадаева. Это середина XIX века. Он сказал: «Прошлое России великолепно, настоящее – более чем удивительно, а будущее – выше всего того, что может представить себе человеческое воображение». И это правда. Думаю, это и есть лейтмотив нашего собрания. Благодарю участников, сопредседателей и желаю вам успехов.

Константин Бабкин: Уважаемые коллеги! Разрешите приветствовать вас с началом V юбилейного МЭФ. Прежде всего хочу поблагодарить Виктора Антоновича за то внимание к форуму, которое он всегда уделяет. И вообще за то, что предоставлена площадка, где плюрализм мнений, о чем он только что сказал, является очень важным фактором нашей общественной жизни. Поскольку экспертное сообщество наше, к сожалению, сильно расколото, ведем мы себя по-сектантски, каждый имеет свою правду и не хочет уступить никак, даже под напором фактов.

Как сказал один мой знакомый, факты, конечно, упрямая вещь, но мы тоже не лыком шиты.

Я хочу пожелать Виктору Антоновичу оставаться таким же бодрым, таким же энергичным и таким же мудрым. Через несколько дней у Виктора Антоновича будет день рождения, давайте поздравим его, вдруг не увидимся.

Руслан Гринберг: Уважаемые друзья! У нас форум представительный, международный. Мы тут все немножко дипломаты. Но не такие дипломаты, которые открыто говорят то, чего не думают. У нас разговор состоится откровенный, на высоком уровне культуры, компетентности и без всякого внешнего давления. Нам предстоит обсудить серьезнейшие проблемы, процессы тектонического характера, которые происходят в мире. Нам предстоит обсудить, что мы должны делать в России, чтобы она сохранила своё достойное место в мировом оркестре государств, экономик, культур.

Я желаю вам всем плодотворной работы. За два дня пройдет 44 мероприятия, будет интересно. V Московский экономический форум объявляется открытым!

Объявление: Модератор форума Гринберг Руслан Семенович, сопредседатель форума, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН.

Джеймс Гэлбрейт, профессор Школы по связям с общественностью им. Линдона Джонсона, председатель американской организации «Объединенные экономисты за сокращение вооружений».

Бодрунов Сергей Дмитриевич, председатель Вольного экономического общества России, председатель международного комитета МЭФ.

Смолин Олег Николаевич, первый заместитель председателя Комитета Госдумы РФ по образованию и науке, председатель общероссийского общественного движения «Образование для всех».

Болдырев Юрий Юрьевич, член редакционного совета «Российского экономического журнала», экономист, публицист.

Бузгалин Александр Владимирович, заместитель сопредседателя форума, профессор экономического факультета МГУ им. Ломоносова.

Дмитриева Оксана Генриховна, член Бюджетно-финансового комитета Законодательного собрания Санкт-Петербурга.

Гжегож Колодко, глава Исследовательского института «TIGER» в университете Козьминского, бывший заместитель премьер-министра и бывший министр финансов Польши.

Марко Риччери, генеральный секретарь Европейского института политических, экономических и социальных исследований.

Руслан Гринберг: На форуме я и Константин Анатольевич Бабкин, как инициаторы мероприятия, наметили одну тему, которая состоит из двух частей. Всё-таки экономика для человека или человек для экономики? Для нас важно, что экономика – лишь средство для хорошего самочувствия человека и его материальной жизни, по крайней мере.

FILE_001

Второй важный пункт, о чем будет говорить Константин Анатольевич на втором пленарном заседании это реальный сектор экономики и проблемы примитивизации структуры экономики, о которых мы давно говорили. Сегодня мы скажем нечто новое на этот счет.

На моем пленарном заседании участвуют очень серьезные люди, которым я, в отличие от прошлых заседаний, задам конкретные вопросы, чтобы обсудить вещи, которые нам непонятны. А таких непонятных вещей становится всё больше. За тот год, который прошел после IV МЭФ, случилось очень много разных событий, которые усилили неопределенность и непредсказуемость будущего. И тем более есть большая потребность обсудить хотя бы контуры того движения, которое мы должны начать, чтобы выжить и улучшить жизнь, которой мы все дорожим.

Мы начнем с моего друга Гжегожа Колодко, он известный человек, уже участвовал у нас несколько раз, был заместителем премьер-министра, министром финансов, и вообще это человек, который реально воплощает полезность демократического процесса в экономических решениях. Хочу это подчеркнуть с особой страстью. Что не хватает России – это, конечно, политической конкуренции. Мы наблюдаем это постоянно. И это очень вредит экономическому процессу.

[00:10:28]

А почему Колодко имеет отношение к этому? Скажу откровенно, как я это понимаю. В начале 90-х годов мы все были опьянены всемогуществом свободного рынка, и реформаторы и в Польше, и в России, так случилось, были тоже подвержены без всяких ограничений именно этой моде на рыночный фундаментализм. И западные коллеги указывали нам без всяких ограничений, что вы начинаете строить новую жизнь, вы должны отказаться от всех социалистических ограничений, и вы должны действовать в духе единственно правильной теории, которая называется неоклассикой, неклассической синтез, если считать вместе с кейнсианством. Короче говоря, вы должны ограничиться тремя вещами: вы должны сделать приватизацию, дерегулирование и провести стабилизацию.

Нашлись апостолы этого подхода, этой мантры и в Польше, и в России. Два человека хочу назвать, которые 25 лет назад – а в Польше и раньше – начали эти реформы. Это Лешек Бальцеревич в Польше и Егор Гайдар в РФ. И для них этот рыночный догматизм был, к сожалению, очень важным руководством к действию. И дальше я говорю о том, что случилось в Польше. Поляки решили, что да, мы будем проводить реформы, но мы не будем жертвовать демократическими принципами. А это значит, что выборы будут честными, конкурентными, и если даже окажется так, что реформаторы после своих первоначальных действий, которые не должны быть популярными по определению, проигрывают, то придут другие силы, другие экономисты, другие эксперты, которые займут место во власти. И так случилось. После того, как Лешек Бальцеревич начал шоковую терапию и произошло то, что произошло, несмотря на масштабы бедствия,

FILE_001

несопоставимые в России и в Польше, потому что в Польше после отпуска цен они увеличились в три-четыре раза. В России, как вы знаете, в 26 раз.

Тем не менее, это всё равно очень болезненно, и на следующих выборах партия, к которой принадлежал Лешек Бальцерович, проиграла, к власти пришли силы, которые возглавил в экономическом блоке наш друг, господин Колодко. И в результате его, я бы сказал, прагматических действий, экономика Польши стала развиваться.

Что-то похожее в России случилось, когда в России после дефолта 1998 года к власти в экономике, к сожалению, только в экономике, пришло правительство Примакова – Маслюкова, которое, собственно говоря, спасло экономику от последствий фанатической реализации праволиберальной философии. Но они оказались кратковременно спасителями ситуации, потом вновь победили люди, которые относились к школе Бальцеровича – Гайдара. В моем представлении, это был результат того, что власть наша стала сильно однопартийной с переходом к режиму практически личной власти.

[00:15:11]

Я этим не хочу сказать, что это было как-то субъективно. На самом деле Россия ждала после 1998 года закона и порядка, или хотя бы порядка. И как бы не относиться к Владимиру Владимировичу Путину, он этот порядок дал, и здесь нет никаких сомнений. Но как всегда бывает в России, порядок с перехлестом.

Что я хочу подчеркнуть этим? Ирония истории, что в сегодняшней Польше, которая является чемпионом трансформации за последние 25 лет, появились проблемы как раз с демократическими институтами, с их защитой. Именно в Польше, которая была для нас примером. Именно поэтому я ему задал первый вопрос. Он может говорить всё, что хочет, но на этот вопрос он обязан ответить: как так получилось, что Польша утрачивает демократические завоевания? Или я преувеличиваю? И как это сказывается на экономике? Может, никак? Ведь у нас постоянно идет спор о том, демократия экономике помогает или вредит? Есть Китай, где вроде бы нет демократии, но есть экономическое чудо, и Украина, где демократии на постсоветском пространстве, может быть, больше, чем где либо. Хотя некоторые говорят, что это просто дикая вольница, и тем не менее, ужасные экономические условия. Прошу.

Гжегож Колодко: Добрый день. Это юбилейный форум, посмотрим, какой будет 50-ый юбилей форума, а пока мы уже слышали здесь, как профессор Гринберг сказал о плюрализме мнений. Я считаю, в Польше был плюрализм мнений во время социалистического центрального планирования экономики. И через одну неделю будет уже 28 лет, как мы окончили договоры круглого стола. Это было только в Польше, не в других бывших социалистических странах. И один месяц (нрзб.) [00:18:02] в мае, когда только один саммит между господином Горбачевым и господином Бенгем [00:18:15], Киссинджер написал в еженедельнике Newsweek вопрос: кто прав, господин Горбачев, который сделал что-нибудь, что касается демократических реформ в смысле гласности, вообще ничего не сделал, что касается рыночных реформ в смысле перестройки? Или

FILE_001

господин **Бенг**, который сделал очень многое, что касается рыночных реформ, рыночной либерализации, и с точки зрения 80-х годов вообще ничего не сделал, что касается политических реформ демократии.

И тогда я сказал Киссинджеру: это плохой вопрос, потому что ошибку сделал и **Бенг**, и Горбачев, потому что надо пойти по пути Польши, значит, вместе использовать рыночные реформы, перестройку, и политические реформы – более чем гласность.

Так прошло 28 лет, я встретил Киссинджера год назад в Пекине, мы снова говорили. И с точки зрения современности так случилось, что прав был **Бенг**, а не Горбачев, и неправы были мы. Потому что в Китае самое большое развитие экономическое за последние 25 лет, а в России – вы знаете лучше, чем я.

Что касается Польши и некоторых других стран Центральной и Восточной Европы, это зависит. Если был плюрализм мнений, сейчас он **поуменьшился** [00:20:09] в смысле демократических систем. Но я сказал не позднее пяти лет назад, что с моей точки зрения, как экономиста, мы использовали больше успехов, что касается экономической перестройки, чем политической перестройки. Я бы сказал, что в современном 2017 году лучше работает польский рынок, чем польская демократия.

[00:20:36]

Да, я профессор по экономическим наукам, уже много лет работаем по вопросам экономических реформ, строительства институтов, структурных преобразований, экономического развития в социальном контексте в мировой экономике во время глобализации, трансформации и дальше. Но ответ экономиста – это вопрос для политика.

И как самый лучший профессор экономических наук идет в политику – это другое дело. Как вот Руслан Гринберг – самый лучший российский экономист. Как бы он себя вел, если бы его господин Путин призвал в Кремль и сказал: «Руслан, ты такой умный человек, ты знаешь всё, ты будешь первый зам премьер-министра, министр экономического развития, и надо сделать второй Китай, вторые США из матушки-России». Руслан знает, что нужно сделать, но вечером он бы уже понял, что то, что надо сделать, очень трудно, а бывает, что и невозможно, потому что есть плюрализм, демократия, и потому что все знают, что нужно сделать, чтобы было лучше.

Уже ректор Садовничий сказал, что сегодня же все знают, что надо сделать, чтобы было лучше, но как решить проблемы касательно конкретики? И демократия работает вот так, что на университете, на конференции этого хватает, чтобы человек знал, что и как надо сделать. А как есть демократия – надо ещё, чтобы было большинство. А бывает, что нет большинства у тех, у кого есть знакомство со стратегией, политикой, инструментами и институтами, **денег** [00:22:43].

Что мы сделали в Польше, и что делаем в других восточных и центральных странах, это борьба за рационализм. Потому что сейчас не хватает рационализма и в демократических системах. Какой сейчас рационализм в США? Что, это то, что подписал два дня назад, что

FILE_001

касается климата и окружающей среды президент Трамп, это рационализм? Это нерационально...

Надо, чтобы была демократия, но борьба продолжается за то, чтобы стратегия экономического развития была разработана на основах правильной экономической теории. Я был в политике, но уже работал снова как ученый человек, и могу сказать, что самый первый фактор экономических успехов – это чтобы экономическая политика и стратегия социально-экономического развития была построена на основах правильной экономической теории. Когда она основана на основах неолиберализма – это не работала в той же Польше, как это было и есть на основах государственного популизма – это тоже не работает. Надо то, что я называю новым прагматизмом, о чем написал много в моих книгах на русском. Спасибо.

Руслан Гринберг: Спасибо, Гжегож. Но он всё-таки не ответил на мой вопрос о теперешнем состоянии, почему произошел провал демократических институтов сегодня. Я не такой либеральный, чтобы об этом забыть.

Мы продолжаем нашу панель. Я долго думал, как её назвать, и назвал: «Растерянный человек между отчаяньем и надеждой». Отчаянье у всех есть, хотя мы пыжимся и понимаем, что не всё потеряно, солнце светит, мы сытые, в безопасности в некоторой степени, всё нормально.

[00:25:47]

Но есть большие проблемы с человеческим потенциалом. И никто лучше не знает, что происходит, чем заместитель председателя Комитета Государственной думы Олег Смолин, которому я хочу предоставить слово. За последнее время произошло много отрицательных вещей. Настроение здесь не очень хорошее. Произошло серьезное интеллектуальное поражение России. Я имею в виду закат, как я думаю, хотя, может, я ошибаюсь, РАН. То, что произошло, перенос выборов – это лишь внешняя оболочка готовящейся очень серьезной трансформации РАН, как я понимаю, в клуб веселых или невеселых любознательных и не очень молодых людей, где будет выбран следующий президент, с моей точки зрения, который будет модератором этого клуба. И его функция ограничится этим. Не знаю, может, Олег Смолин думает по-другому.

Олег Смолин: Хочу начать с того, что Руслан Семенович обещал задать один вопрос про образование и здравоохранение, я даже приготовился, но теперь спрашивает про РАН.

В то время как РФ пыталась не очень удачно удвоить ВВП (кстати, так и не удвоила), весь мир производит переоценку ценностей, и результаты, успехи, проблемы страны обычно оцениваются уже не чисто экономическими показателями ВВП, а показателями, связанными с человеческим потенциалом.

Сама идея измерения человеческого потенциала возникла, как утверждается, когда в США в 90-х годах социологи вдруг обнаружили, что уровень жизни заметно поднялся, а социальное самочувствие людей скорее ухудшилось.

FILE_001

Вы помните старую формулу: говорили, что будет радио и будет счастье. Радио есть, а счастья нет.

Что касается наших показателей в развитии человеческого потенциала, в советский период обычно, когда коллеги считали обратным счетом, казалось, что эти показатели были выше, чем чисто экономические. В частности утверждается, что мы, по меньшей мере, входили в десятку наиболее продвинутых по человеческому потенциалу, то есть попали бы в группу стран с наиболее высоким человеческим потенциалом в конце 80-х годов.

Дальше происходит естественный процесс резкого падения в связи с кризисом. Если даже в страшном 1992 году мы были 34-е, то в 1999 году – 55-е, а вот дальше парадокс: экономика растет, то есть восстанавливается, а человеческий потенциал не в абсолютных значениях, а по сравнению с другими странами падает.

К 2007 году мы уже на 67-ом месте по показателям человеческого потенциала, экономическое чудо наоборот, а дальше в стране кризисные годы. Из последних девяти лет – шесть кризисных. Тем не менее, показатели человеческого потенциала в нашей стране улучшаются. Видимо, как говорил Жванецкий, чтобы что-то делать, нужна большая беда. Вот вам объективные данные из докладов ООН: 2007 год – по человеческому потенциалу в целом 67-е место. 2015 год – 50-е. Благосостояние: было 55-е, стало 30-е. Долголетие: было 119-е, стало 84-е. Это худший из всех трех показателей. Образование: было 26-е, стало 19-е.

[00:30:10]

Мы понимаем, что одним из ключевых факторов в развитии человеческого потенциала являются образование и медицина. Где мы сейчас находимся? Если верить международным исследованиям, у нас же сравнение России с мировыми тенденциями, по начальной школе мы по прежнему в тройке лучших, как было и в советский период, но тогда в целом по образованию мы были в тройке лучших. Что касается системы PIRLS, которая оценивает обычно знания в 4-8 классах, мы где-то на 4-7 местах. Что касается системы PISA, которая оценивает уровень знаний 15-летних и умение их применять, мы улучшаем свои показатели, но здесь мы, конечно, не в тройке. По естественно-научной грамотности 32-е место вместо 37-го в предыдущем исследовании. По математической – 23-е вместо 34-го. По читательской – 26-е вместо 42-го.

Ситуация более-менее благополучная, и всё бы ничего, но вот те, кто работают в вузах, с тревогой говорят о падении, да и в школах тоже, качества нашего образования.

Недавно Минобр произвело съемки и показало ролик, в котором видно, как низка общекультурная грамотность граждан. Спрашивают, в каком веке родился Пушкин, кому принадлежит фраза «А судьи кто?», ну и были там провокационные вопросы типа, почему Достоевский сжег второй том «Преступления и наказания». Большинство на полном

FILE_001

серьезе рассуждали, почему. Только одна девушка вспомнила, что вовсе и не Достоевский.

Ситуация в здравоохранении ещё сложнее. Если в 1977 году по данным ВОЗ мы занимали 22-е место в рейтинге, то в 2000-м – 130-е, в 2010-ом - 130-е. Правда, Bloomberg с 2014 года включил нас уже в 55 лучших. Оба раза дал нам 55-е место в 2014 и 2016 году. При этом социологи говорят, что однозначно люди зрелого возраста утверждают, что раньше в школе учили лучше, чем сейчас, а 70% граждан озабочены состоянием медицины. Элла Панфилова [00:32:27] как-то удивлялась, почему 70% озабочены медициной и только 3% – свободой митингов. Можно многое говорить, но на митинги люди ходят изредка, а с медициной сталкиваются, мягко говоря, через день.

В последнее время нам начинают представлять доклады о состоянии и перспективах российского образования, реализации образовательной политики. По медицине таких докладов, к сожалению, нет, но и в докладах по образованию вы не найдете системных проблем. Там тысяча мелочей, но нет главных. Какие же системные проблемы, с моей точки зрения, можно выделить в области образования и медицины в РФ. Первая – хроническое недофинансирование. Из госбюджетов 3,7% на медицину вместо 6%, которые положены по нормам организации здравоохранения. По образованию все последние годы доля финансирования снижалась. 4,1% от ВВП вместо 7%, которые необходимы для модернизации страны. Ни одна страна не провела модернизацию, затраты меньше 7% от ВВП. Даже Алексей Кудрин в известном докладе, который получил название План Кудрина, говорит о том, что в последние годы доля расходов на образование и медицину неуклонно снижалась. Коллеги, но ведь модернизация в XXI веке должна базироваться на развитии человеческого потенциала, другого пути нет. Значит, либо нам придется наращивать это финансирование, либо модернизации просто не будет.

Вторая системная проблема – статус. Все вы знаете про президентские указы и про законы об образовании, которые требуют определенного соотношения заработной платы учителя врача и средней заработной платы в регионе. Можно было бы этому верить, но недавно Любовь Николаевна Духанина со своей группой, это человек из «Единой России», зампред Комитета по образованию, опросила 5000 педагогов. Оказалось, в 75 регионах из 85 указы президента в части зарплат учителя не исполняются. И это при том, что по данным ОНФ, я специально не ссылаюсь на данные оппозиции, средняя нагрузка учителя – 28 уроков в неделю, помножить минимум на 2,5, рабочая неделя должна быть 70 часов, реально такой рабочей недели быть не может, поэтому люди не успевают нормально готовиться к урокам. И при этом говорят: поработай на полторы ставки, потому что на одну есть нечего, а на две есть некогда.

[00:34:59]

То же самое с медициной. Медицинские работники мне дружно говорят, что лучше всего они жили в 7-8-ом годах, когда им давали десятку к заработной плате. А сейчас, несмотря

на то, что говорится, уровень заработной платы поднимается крайне медленно, часто медленнее инфляции. По данным профсоюзов три года с 2014 по 2016-ый вообще не рос, а нагрузки постоянно растут. Все мы помним, как президент страны пытал победителя конкурса «Учитель года», сколько же тот получает, и он сказал – 25 тысяч. А когда по данным официальной статистики средняя зарплата составляла почти 33. То есть учитель, победитель конкурса, получает много меньше средней заработной платы. Чем лучше работаешь – тем меньше тебе платят.

С РАН абсолютно достоверной информации нет. Могу сказать, что мы в свое время голосовали против ФЗ-253 о реформе РАН. После этого председатель Комитета Госдумы по науке Валерий Александрович Черешев, настоящий академик большой академии, публично в Думе заявлял, что с появлением ФАНО объем бумагооборота вырос на два порядка, то есть примерно в сто раз. Понятно, что это не точные данные, это экспертная оценка. И наше глубокое убеждение в том, что конечно, в управлении наукой со стороны ученых, особенно имуществом, наверное, были какие-то ошибки. Но чиновники будут управлять наукой наверняка намного хуже, чем это делали ученые.

Мы считаем, что нужно возвращаться к действующему закону, к самоуправлению ученых. Если уж мы ученым не доверяем самоуправляться, о какой вообще демократии можно говорить?

И последнее. Хочу напомнить известные строки Омара Хайяма в переводе нашего знаменитого педагога Шалвы Аманашвили, написанные невесть когда, а переведенные недавно: «Пока за школу не назначена цена, просить у власти хлеб она должна. Наверное, школа плохо власть учила, коль милостыней жить принуждена».

Я думаю, что мы, интеллигенция, должны лучше учить власть и лечить власть. В том числе от нравственных болезней и рыночного фундаментализма. Спасибо.

Руслан Гринберг: Спасибо, Олег Николаевич, за ваш точный анализ, вы нашли точный анализ для ситуации, которая, как мы понимаем, тревожная. Но вообще-то тревога охватила весь мир, не мы одни. Может, это нас должно утешать, что везде человеческий потенциал находится под угрозой рыночного фундаментализма, несмотря на то, как говорили раньше, Ленин умер, но дело его живет. Рыночный фундаментализм умер, но дело его живёт. И одно из самых жутких последствий этой жизни – это, конечно, очень драматическое расширение пропасти между богатыми и бедными. Надо сказать, что мы здесь занимаем очень хорошие места, но лидеры здесь прежде всего США.

Справа от меня сидит профессор Техасского университета Джеймс Гэлбрейт, сын живой легенды современной экономической науки Джона Гэлбрейта. И это тот случай, когда боги не отдыхают на детях. Джеймс Гэлбрейт – известный специалист, я бы даже сказал, апостол социального капитализма, что ли, капитализма с человеческим лицом.

Джеймс Гэлбрейт написал книгу, я всем советую её прочитать. Называется «Неравенство: что каждый человек должен об этом знать».

FILE_001

Он будет говорить о неравенстве, мы разговариваем уже пятый форум на эту тему, но всё-таки для меня загадка, почему белые образованные американцы стали впервые жить хуже, чем их родители? И прав ли Трамп, который говорит, что я верну реальный сектор в США, потому что рабочие места захватывают мигранты? Я же знаю исследования, где черным по белому написано и доказано, что рабочие места прежде всего на 70% занимают роботы, а на 30% — мигранты. Джеймс, правда это или нет?

[00:40:34]

Джеймс Гэлбрейт: Мне очень приятно находиться здесь и иметь возможность выступать от имени исследователей, с которыми я работал на протяжении уже 20 лет или около того, в том числе в области экономики и использования энергетических... События требуют доказательств, и изучение неравенства требует хорошего качества сравнительных доказательств в разных странах и по времени, чего не так-то легко достичь на данном этапе.

Суть (**нрзб.**) [00:41:16] в стремлении рассказывать разного рода мифы и ссылаться на образование и глобализацию в качестве возможных причин явлений, которые мы испытываем, которые сами по себе не являются хорошими или плохими, но они заранее задают некий взгляд у экономистов, когда они начинают обсуждать эти вещи.

Наш подход к этой проблеме в том, чтобы создать новую запись, опираясь на надежные исследования измерения и развития индустриального общества. То есть некие явления и события, которые можно постоянно измерять и достоверно в разных странах. То есть выявить некий сравнительный уровень неравенства и те изменения, которые происходят с этим на протяжении времени.

Когда вы занимаетесь этим, для вас становится ясно, что не так уж очевидно то, когда вы всё с этим неравенством... Во-первых, выявляются региональные модели, которые отличают их от других стран, и есть глобальные модели изменения, которые являются очень показательными. Особенно это связано с концентрацией особого проявления неравенства в этих странах в начале прошлого века, и ответ, который был дан через призму неоконформистской политики. Это не было удивительным, и очень хорошо было доказано, что это серьезно сказалось на расширении и увеличении неравенства в мире, и это даже в некоторых местах было более ярким проявлением, чем в России. В США мы имеем серьезный уровень неравенства.

В 2000 году имела место стабилизация во многих странах мира, и в Китае, и в России, в Латинской Америке, которые двигались по либеральной политике, и воссоздали национально-экономические политики, достигли определенного уровня стабилизации в ту пору. Есть доказательства того, что последовательность событий, которые происходят через четкий (**нрзб.**) [00:44:00] механизм, то есть вы можете соотнести неравенство стран к обменному уровню валюты этой страны к американскому доллару, и выявить очень интересное, что когда цена валюты теряет свою ценность, то те, кто продают на мировом рынке, лучше чувствуют себя, чем те, которые продают на внутреннем рынке. И их

прибыль растет. Могу назвать 20 стран, в которых эта зависимость очень четко прослеживается.

Мы можем вывести следующий урок, что фундаментальная проблема увеличения неравенства – это глобальный финансовый режим. Это тот способ, каким мировая экономика управляется, и те страны, которые создают прочные институты, которые защищают существующую стабильность среднего класса, включая промышленный класс, мы говорим про профессиональный средний класс, продвигаются в этом плане лучше. Которые могут поддерживать и создавать такие социальные институты, могут защищать себя лучше от дестабилизирующих факторов глобального финансового порядка, который порождает очень много бурных событий и беспорядков в мире. Это становится последствием политических потерь, которые я могу вывести из 20 лет (нрзб.) [00:45:39] работы, пытаюсь ответить на вопрос Руслана о том, преуспеют ли США в том, чтобы повернуть вспять волну увеличения масштаба неравенства. Нет, я не думаю, что новая администрация найдет такой ответ. Новая администрация не имеет ясной четкой эффективной слаженной программы, которая стремилась бы к реализации эгалитарных принципов.

[00:46:25]

Поэтому я думаю, что в настоящее время необходимо измерить этот процент. Политическая задача, которая стоит перед США, остается той же: воссоздать преимущества, приоритет ценностей демократии, построенный на основе среднего класса, который вводит в себя все различные группы населения в США, которые обеспечивают эффективный уровень общего социального блага для всего населения страны. Это тот вопрос, который, конечно, очень глубокий, и традиции уходят глубоко. Ещё мой отец сформировал в 1959 году в своей книге...

Эта упомянутая фраза совпадает с темой, которую он выразил в последующих изданиях: новое индустриальное государство. Я знаю, что мои коллеги в России недавно отмечали издание этой книги, которая хорошо передает дух, который нам нужно опять охватить. Спасибо.

К нам присоединилась Оксана Генриховна Дмитриева. Я пригласил её на наше панельное заседание, вспомнив о том, что она лично принимала участие в создании некой социальной политики в РФ в свое время. Она, может, тоже несет часть ответственности за то, что происходит сейчас в стране. 8 марта прошло, мы можем строго спросить с неё, что случилось вообще с человеческим потенциалом?

Конкретный вопрос насчет Питера. Это культурная страница, мы любили и любим Петербург, но хочется понять, что там происходит с человеческим потенциалом? Является ли этот город обычным для России или что-то особенное здесь есть?

Оксана Дмитриева: Человеческий потенциал не оторван от экономики. Что мы наблюдаем сейчас в Питере? Первое – за последние 20 лет в Петербурге произошла

крупнейшая деиндустриализация. Число занятых в промышленности сократилось в два раза. С этим сокращением теперь численность занятых в промышленности теперь в два раза меньше, чем в розничной и оптовой торговле и бытовом обслуживании. Это полностью преобразило структуру и демографическую, и структуру рабочих мест, и структуру распределения человеческого потенциала, потому что вместе с частичной смертью нашей промышленности полностью исчез сектор НИР, который был в промышленности. А он давал 70% объема НИР и ОКР. При этом, если бы промышленность Петербурга умирала молча, то когда пошло наступление на то, что осталось, на научно-культурный потенциал, то тут город встал. И парадокс, когда стали уничтожать крупнейшие музеи, в частности Исаакиевский собор, передача РПЦ, когда решили в рамках оптимизации слить нашу публичную библиотеку вместе с московской, тем самым, Ленинка, её уничтожить. Когда говорят, что в Пулковской обсерватории уже не должна быть обсерватория, наблюдать там ничего не надо, всё вокруг застроим, на звезды смотреть не надо, будем просто заниматься теоретическими исследованиями. Здесь город поднялся. Но если говорить о человеческом факторе, то вышли защищать на митинги и демонстрации во многом сторонники тех либеральных реформ, против последствия которых они сейчас выступают. Это такой парадокс. Какой будет мой совет всем гражданам? Зреть в корень. Смотреть существующие явления, чего следствиями они являются, кто их родоначальник и как бороться со следствиями.

[00:51:53]

Что касается сегодняшнего кризиса, есть ощущение дежавю. Мы каждый раз здесь собираемся, говорим примерно одно и то же, даем советы нашему правительству, оно их, естественно, не слушает, и продолжает делать то же самое. И что мы в итоге получаем? В итоге наш кризис, который рукотворный и вызван отнюдь не девальвацией рубля и не санкциями, а цепью ошибок ЦБ и правительства, перешел уже в хроническую стадию, из стадии острого кризиса в стадию хроники. И если в моем прошлом докладе был тезис о том, что если кризис носит рукотворный характер и вызван ошибками правительства и ЦБ, то первое – это сменить тех, кто этот кризис создан. Убрать руки, которые привели к рукотворному характеру кризиса.

Вот была такая картинка – руки прочь от экономики. Как наше правительство и ЦБ это воспринял? Они просто умыли руки, просто ничего не делают.

Какие продолжающиеся тенденции по сравнению с тем, что было в прошлом году? Дорогой кредит как был дорогим, так и остался. Налогового стимулирования как не было, так и нет. Поэтому удавка для бизнеса и экономики сохраняется.

Сокращение платежеспособного спроса населения, что является важнейшим фактором кризиса. Снижение реальных доходов в 2016 году ещё больше, чем в 2015-ом. Там было 96% от предыдущего года, сейчас 94%. Государственный спрос во многом мог бы помочь стимулированию как за счет изменения объема, так и во многом за счет изменения механизма. Главным образом требовалось перестать за счет бюджетных средств

FILE_001

вкладывать в уставные фонды и осуществлять имущественные взносы, которые считаются по бюджету инвестициями, осуществить конкретные инвестиции под конкретную проектно-сметную документацию. Тогда можно понять, что бюджетные инвестиции реально направлены на инвестиционный процесс, а не на вклад в виртуальную экономику. Этого как не было, так и нет.

Дальше требовалась реформа муниципального и государственного заказа, особенно для импортозамещения, чтобы перейти от многочисленных тендеров с многочисленными посредниками к прямым государственным заказам, стабилизированным по срокам и ценам. Тогда можно было бы надеяться на то, что будет долгосрочная стратегия у предприятий, чтобы осуществить инвестиции и налаживание нового производства, затыкание новых обнаружившихся технологических дыр, возможностей поставки продукции по кооперации – всё то, что мы понимали под импортозамещением. Этого как не было, так и нет, за исключением отдельных движений в оборонном комплексе.

[00:55:28]

Следующее, что мы предлагали, это мобилизация остатков бюджетных средств, которые осели в банковской системе. На тот момент мы их оценивали около 3 трлн рублей. Именно бюджетные и квазибюджетные средства. Как не было это сделано в 2016 году, так и не предполагается в 2017-ом.

Следующее. Делая доклад в 2016 году, один из механизмов преодоления кризиса – переориентация средств, которые планировались на преодоление кризиса, и 90% из которых так или иначе ушло в банковскую систему.

Что мы имеем в 2017 году? Всё просто: нет ни программы борьбы с кризисом, никаких средств, потому что объявлено, что кризиса нет. А коли кризиса нет, то и программы нет. Вот так прекрасно вышли из этой ситуации.

Новые тенденции: укрепление рубля. Мы видим, что импорт восстанавливается быстрее экспорта. Импортозамещения нет, но в него никто и не верил.

Какие тенденции? Кризис перешел в хронику. Прибыль растет, инвестиции по-прежнему падают. Прибыль в прошлом году по разным оценкам... В 2015 году рост прибыли был 173%, потом почему-то оказалось 153%, но тем не менее, в 2016 году прибыль всё равно растёт – 37%. При этом инвестиции падают.

Депозиты населения. 24 трлн – в три раза больше, чем кредиты населению, 7 трлн. Деньги населения и деньги бизнеса – это то, что нужно зафиксировать, и отказаться в том числе оппозиционной политической и экономической мысли от клише по поводу того, что нужна денежная эмиссия, и что ЦБ должен давать деньги.

Дело в том, что и население, и бизнес приносит деньги в банковскую систему в гораздо большем объеме и на порядок дешевле, чем это делает ЦБ. Ключевая ставка ЦБ – 9,75,

FILE_001

средняя ставка по депозитам населения – 6,5%. Поэтому деньги в банках дешевые есть, гораздо дешевле, чем ЦБ, от населения от бизнеса.

Роль ЦБ и ключевой ставки, тоже надо зафиксировать. Ставка ЦБ никак не влияет на инфляцию. Она никак не влияет на денежную массу. Доказательства сейчас приводить не буду, они есть. Она делает лишь что? Она задает высокую ставку кредита и даёт возможность задирать маржу. Потому что население приносит дешевле, чем ключевая ставка, а дальше банки говорят: как же мы можем давать кредиты по ставке ниже, чем ключевая ставка? Поэтому это прекрасные условия для получения астрономической маржи.

Моё определение. Есть разные определения стагфляции, но что мы сейчас имеем, это субфебрильный кризис. При хроническом течении болезни больной организм перестает бороться. И при переходе кризиса в хронику отказывают как традиционные механизмы саморегулирования в условиях экономического кризиса, так и нет никакого государственного регулирования, потому что они этот кризис не понимают, не хотят понимать и никакие меры не предпринимают.

[01:00:05]

Что значит переход кризиса в хронику? Бизнес не инвестирует и не рискует. Население не тратит и не зарабатывает. Банки не кредитуют. А правительство не управляет. И здесь иллюстративный материал, статистически доказывающий эти тезисы. Спасибо.

Руслан Гринберг: Ситуация с человеческим потенциалом грустная, но тем не менее, протестные настроения минимальные, это тоже достижение правительства.

Я думаю, мы спросим Марко Риччери, генерального секретаря очень авторитетного Европейского института политических, экономических и социальных исследований. Мы разговариваем о разных междисциплинарных исследованиях, но на самом деле мало что удастся. А этот институт очень авторитетный в Европе, он как раз занимается комбинацией проблем социальных, экономических и политических. Марко, сейчас все заголовки статей, что социальные государства – как наивысшее достижение последних 60 лет после Римского договора, находятся под угрозой. Что это такое? Действительно есть реальная угроза размыванию социального государства? Ведь всегда считалось, что это остров благоденствия Европы – достижение свободы, справедливости, солидарности, плюрализма, конкурентности. И сегодня мы видим, что средний класс тоже размывается. Что здесь происходит на самом деле?

Марко Риччери: Большое спасибо, господин Гринберг. Мы обсуждали в Риме на ряде конференций, где участвовал господин Гринберг и профессор Гэлбрейт, и особенно говорили о новой роли государства в экономике, и сейчас в Европе идут дебаты, мы видим, что члены Европейского парламента, французские депутаты и другие депутаты говорят о том, что необходимо скорректировать этот либеральный подход, это главная

задача, которая стоит в повестке дня – обращать внимание на планирование экономики, применять новую методологию, чтобы обеспечить экономическое развитие.

Европа в настоящий момент слаба в этой части, и сейчас готовятся новые документы, чтобы в общем отразить, в чем заключаются социальные права населения на этом этапе экономического развития. В нашей интерпретации мы даём позитивную интерпретацию. Добро пожаловать и тем, кто решил выйти из Союза, я говорю о Brexit. Это даёт возможность по-новому взглянуть на всё устройство европейской жизни, на базовые принципы солидарности, социальной экономики. Потому что наш договор в Европе основывается на конкурентном свободном рынке и на социальной экономике. Если этот социальный фактор выбивается, тогда теряется сам смысл этой экономики.

Очень важный элемент в этом направлении в том, что было одобрено в качестве стратегии нового стратегического развития 2030. Хочу сказать о важности этого документа, потому что здесь ставятся многие цели, которые необходимо достичь, и приверженность всех нас в Италии, Германии, США и России. Все правительства одобряют такой подход, то, что называется большой корректировкой. Чтобы понять эти новые позитивные моменты в развитии глобальной экономики, как управлять этими процессами. Поэтому этот саммит G20 пытается решить эту проблему. Но это непростая задача, чтобы найти правильный путь, чтобы, скажем, управлять этими процессами в глобальном масштабе. Конечно, я не говорю о глобальном правительстве, просто говорю о возможности глобального управления этими процессами. ООН одобрила программу устойчивого развития, очень важную программу, которая сейчас как раз отмечает эти позитивные моменты взаимосвязи науки и политики. Именно такая программа ООН, которая объединяет науку и политику, именно это помогает выбрать правильный путь развития.

Я просто зачитаю несколько пунктов: наука – это говорит, что мы в том числе имеем в виду и этот университет – должна точно понять свою социальную ответственность. Это нечто, что является органической частью социального процесса, и она должна проявлять свои усилия в соответствии с тем, чтобы достигать социальные цели, увеличивать качество человеческих ценностей. И эти вещи в первую очередь должны быть этически приняты обществом. Приверженность всех государств этой повестки 2020, чтобы дать общее направление движения и учитывать этические, социальные ценности. Это новый элемент, и то, что конкретно сейчас очень многие государства потеряли очень много времени на дискуссии, но не приняли конкретных шагов. А некоторые шаги предпринимают, скажем, такие моменты: к 2020 году Швеция решила исключить из своей экономики все углеводородные элементы. Это через три года. Здесь уже будет использоваться только возобновляемая энергия. И если этот эксперимент в Швеции будет успешным, вы можете представить, какие новшества мы увидим в Европе и в России.

Некоторые страны двинулись в этом направлении. В соответствии с этими направляющими документами ООН, это как раз отражение объективных процессов, и мы должны понять этот новый сценарий, потому что ООН и документы организации, мы

должны работать и постоянно решать постоянно возникающие проблемы. Что является основой нашего развития? Информация, коммуникация, знания, общество – это важные факторы. Это надо применять и мудрые решения. Какого же значение и суть нашего планирования? Какое будущее мы хотим построить? И планируя это будущее, это значит, не повторять ситуацию, которую мы имеем сегодня. Нужно точно понимать, что мы имеем сегодня, и в будущем менять нашу жизнь. Мы должны интегрировать знания общества и подходить к этим вопросам с новых позиций. Спасибо.

[01:11:11]

Руслан Гринберг: У меня осталось два выступающих, Юрий Болдырев и Александр Бугалин. Как я понимаю, есть различия в их позиции, где-то на 80% схождения, я думаю. Но поскольку мы пока в плюралистическом обществе живем, я предоставлю слово Юрию Юрьевичу. Как всё-таки работает наш капитализм? Какие там есть особенности? Я думаю, они есть.

Юрий Болдырев: О различиях. Один может любить оперу, другой может любить балет, но если мы заблудились в лесу, эти различия ничтожны, потому что у нас другая повестка дня.

Наше заседание посвящено вопросу растерянного человека в современном мире. Если один человек растерян, у него может быть личный кризис, а если массовая растерянность, значит, мы сталкиваемся либо с чем-то объективным, что не понимаем, либо кто-то сознательно манипулирует нами, не даёт собраться и определиться.

Здесь была замечательная метафора, говорилось о том, что не народ замещает наши рабочие места, а роботы. Я хотел бы от этого оттолкнуться. Когда роботы опасны для нас? Тогда, когда они сами начинают себя программировать не в наших интересах, а в своих. Или когда наш противник начинает их программировать против нас.

Бессмысленно спорить о том, нужен частный капитал или нет. Частный капитал, особенно, если он обезличенный, если он принадлежит Ротшильду или Рокфеллеру, здесь вопрос один: друг он нам или враг? А если он обезличен, любого из вас, прекрасного человека, поставь в управление корпорацией – вы попытаетесь сделать что-то великое, созидательное, гуманное, но если вы не максимизируете прибыль в ущерб всей своей гуманности, вас сместят, собрание акционеров проголосует за того, кто максимизирует прибыль. И здесь нет вопроса ни гуманизма, ни чего-то ещё.

Когда это может работать? Только тогда, когда эти роботы не могут сами себя программировать в своих интересах, а не в наших. Но что такое ВТО в глобальном мире? Это механизм, когда роботы вырвались из-под контроля. Они начинают диктовать нам правила игры в своих интересах. Этот путь ведет нас безусловно в тупик. Люди не понимают, чему они противостоят.

Приведу наш пример, российский. В прошлом году банковское сообщество получило суммарную прибыль в 500 млрд рублей. Президент страны гордо в конце года нам об

FILE_001

этом сообщил. А что получил реальный сектор? Суммарно близко к нулю. Но мы-то обсуждаем проблему, что нам делать, а в банковском сообществе не обсуждают проблему, там всё хорошо, потому что они программируют систему для того, чтобы у нас была прибыль, а какие у нас здесь проблемы – их не сильно волнует.

[01:15:11]

Возвращаясь к глобальному миру, как эти роботы, этот транснациональный капитал программирует повестку дня в мире, чтобы общество не могло ему противостоять? Очень просто: если вы социально ориентированные левые, мы доведем вас до абсурда, до либертарианства, чтобы социально ориентированному человеку некуда было податься.

Если вы за традиционные социальные ценности – идите в правые. Но правые обязательно за господство неограниченной частной собственности, олигархата и так далее. И получается, что податься действительно некуда.

Возвращаясь к нашим делам, не что я думаю, а что люди пишут в социальных сетях, в комментариях под статьями, например, посвященным ситуации с РАН. Обращаются к Салтыкову Щедрину: правитель въехал в город на белом коне, сжег гимназию, упразднил науки. Это не про нас ли? У нас ещё не сжигают гимназии, но мальчишек и девчонок, неважно, почему вышедших, но вышедших не за ту или иную политическую систему, а просто против коррупции, явной и масштабной, вяжут как страшных врагов государства. А мы хотим дискуссию, хотим народовластия.

А до этого полтора года назад также поместили в темницу четверку людей, которые всего лишь выступали за то, чтобы было право на референдум об ответственности власти. Вот агитация за референдум об ответственности власти – страшное государственное преступление, люди полтора года сидят в предварительном заключении без суда. Это наша ситуация.

Возвращаясь к РАН, актуальнейший вопрос, но ведь какое было оказано давление, чтобы собрать нормальные выборы в РАН? Беспрецедентная ситуация, а мы молчим.

Только что говорили о здравоохранении. Вспомните, это всё было запрограммировано пять лет назад, когда врачи и медработники выходили на митинги, казалось, что это врачи сражаются за свои интересы, а пациенты не вышли их поддержать. А теперь мы приходим и удивляемся, что из оставшихся врачей делают живодеров. Но мы же их тогда не поддержали.

Теперь о нашем капитализме. Когда Оксана Генриховна говорила, что власть умывает руки, это не совсем так. Власть умывает руки в том, что она должна делать созидательного. Но это совсем не означает, что власть не делает вообще ничего. Чтобы наше мероприятие не было оторвано от реальности, приведу несколько коротких примеров. Первое – против чего протестуют дальнбойщики? Против налогов? Нет, против того, что это в частные карманы. Их душат, и деньги и в частные карманы.

FILE_001

Значит, мы ставим вопрос о том, что должна быть ясная однозначная запись, может, даже в Конституции, что нельзя отдавать никакие налоги на откуп частному капиталу.

Второй актуальный вопрос. Сейчас идут походы фермеров с юга на Москву, не доходят, их жестко прижимают. О чем речь? Опять о земельных латифундиях, и более того, о вытеснении людей (нрзб.) [01:18:41] не нужны, желательно получить землю без людей, а завезем иностранных рабочих. Начинаем ставить вопрос радикально о том, что в конечном счете недопустима плановая замена населения на безропотных покорных рабов, завозимых из-за рубежа и вывозимых при первой же попытке противостоять.

Третий пример. Страхование. Все автовладельцы знают, сейчас вы уже не сможете получить деньги, якобы борьба против каких-то мошенников. Нет, не против мошенников, это вас принуждают, от вас добиваются, чтобы вы обеспечили прибыли частному капиталу. Мы ставим вопрос жестко: пусть будет и частный капитал, и государственный, но не должно быть такого, если государство к чему-то нас обязывает, например, страховать ответственность, что оно заставляет нас идти страховаться в частные компании, перекачивает наши ресурсы в карманы частных структур. Это касается всего, и более масштабных вещей. Например, предприятие обязано держать деньги на счете, но на каком? На счете в частном коммерческом банке, в котором эти оборотные средства регулярно пропадают. Это не случайности, это запрограммированная система.

[01:20:02]

Если государство кого-то к чему-то принуждает, оно не должно быть в праве принуждать нас или то же предприятие держать деньги в частной коммерческой структуре. Будьте добры обеспечить государственную, не подлежащую приватизации некоммерческую структуру.

Я хочу подчеркнуть, что речь не о том, чтобы был частный капитал или его не было. Речь о том, что мы, люди, у нас есть душа, у нас есть цели и смыслы, мы, социум, должны держать капитал в ежовых рукавицах. Если мы будем понимать эту свою задачу, мы со всем справимся. Спасибо.

Руслан Гринберг: Спасибо. Юрий Юрьевич всегда находит точные слова для характеристики ситуации, которая складывается в стране. Сейчас я хотел бы подчеркнуть его замечание по поводу поведения власти в связи с митингом на Тверской. Конечно, это абсолютно неадекватная реакция на поведение молодых людей, независимо от того, что они думают, и независимо от того, как относиться к Навальному.

Но когда речь идет о попытке бороться с коррупцией, которая стала системным элементом всего политического механизма, здесь происходят события, которые только ещё больше подрывают доверие к власти.

Хочу предоставить слово Александру Бузгалину.

Александр Бузгалин: Здравствуйте, коллеги. Многие не смогли попасть в этот зал по объективным и по многим другим причинам.

Как вы заметили, я сижу на крайнем левом фланге, и это не случайно. Меня часто спрашивают: зачем вы здесь, на форуме, где, с одной стороны, уважаемая оппозиция, а с другой стороны, бизнес, вы – марксист Бузгалин? Я отвечаю. Мы должны работать везде, где нас хотят услышать. И до тех пор, пока будет возможность, в том числе марксистам, говорить на МЭФ, я буду участвовать в МЭФ при всех проблемах и противоречиях, которые есть в такой сложной системе.

К делу. Я подготовил с моим другом Андреем Колгановым презентацию, посвященную альтернативной программе. Буду говорить предельно жестко, и тезисы, которые не очень приняты сегодня.

Начну с диагноза. В России сложилась особая модель периферийного позднего капитализма, олигархически-бюрократического. Власть в этой системе принадлежит номенклатуре особого рода – высшая элита государства, сращенная с крупным бизнесом. Это именно номенклатура, воспроизводимая в собственном соку.

Те, кто говорит, что такую систему можно реформировать при помощи смены правительства, тем я отвечаю – нет, эта система заложена на воспроизводство интересов этого слоя. Никаких ошибок нет. Есть закономерные последствия. Те, у кого власть, делают то, что им выгодно, и делают эффективно.

Можно ли с этим бороться? Да. Но я категорически не согласен с теми, кто говорит о необходимости смены правительства, замены руководства того или другого ведомства или коррекции экономической политики. Так ничего не удастся сделать.

Есть старая притча. Дракону, сидящему на троне, можно отсечь хвост, отрубить рога, можно поменять его на другого. Но каждый, кто сядет на этот трон, тут же получит рога, у него вырастет хвост.

Вопрос в том, чтобы хотя бы реформировать, но глубоко, систему производственных отношений и институтов. Иначе социальная революция, ибо брожение внутри и глухое роптание нарастает.

Цель. Давайте говорить откровенно, ВВП, даже если (нрзб.) [01:24:53] может быть чем угодно: ростом финансовых спекуляций, ещё больше продаж сырьевых ресурсов и растратой человеческих ресурсов. Может быть ростом олигархов и всего остального. Это не показатель.

[01:25:09]

Когда мы считаем ВВП с учетом разрушения природы, у нас даже в 00-е годы не было роста. Когда мы оцениваем человеческий потенциал, да, на мировом уровне мы немножко улучшились, но мировой уровень очень ухудшился за последние годы.

Нам нужна серьезная программа, где целью будет человек, гуманизм, и это не абстрактные слова и социальная справедливость. Хотя бы частично. Хотя бы в рамках позднего капитализма.

Что мы можем делать, чтобы решать эти проблемы? Первая задача, где мы отчасти солидарны с любыми либералами: нужна дефеодализация нашей общественной жизни и экономики в целом. Сегодня у нас любой начальник может позвонить кому угодно, от частного бизнесмена и профсоюзного лидера до Вани Петрова и сказать, что тот должен делать. У нас работает система вассалитета у власти. Половина из нас, если не две трети, превратились в крепостных. Если вы попытаетесь создать профсоюз, вас в лучшем случае выгонят на улицу, в худшем – избьют или посадят в тюрьму, свидетелства чему есть многочисленные.

В этом смысле нам нужны хотя бы элементы реальной низовой демократии, а не демократии по-американски, которая превращается в манипуляции. (нрзб.) [01:26:16] технологии мы освоим. В том, что касается манипулирования людьми, российское государство ничем не уступает американского, и может быть, даже превосходит его.

Если говорить о том, что нужно сегодня, мой коллега Юрий Болдырев справедливо сказал, что рынок нужно держать в ежовых рукавицах, капитал нужно держать в ежовых рукавицах общества, тогда это будет работать хотя бы частично на нас.

Хочу подчеркнуть: да, нам обязательно нужны стабильные правила игры, но они должны быть социальными. Курить разрешается только в некоторых специально разрешенных местах. Вот это должны быть места, где нужна, возможна и полезна конкуренция, но в остальных местах, пожалуйста, не мешайте нам дышать свежим воздухом.

Ещё один важный компонент – кнут и пряник для бизнеса. Если бизнес работает в рамках программ, которые нужны стране – почти нулевые налоги, дешевые кредиты, инвестиционная поддержка и похвала на телевидении. Если он занимается посредничеством или навязывает нам симулякры, придумывает, что бы ещё заставить нас потребить, как заставить нас работать 14 часов в сутки (Россия по продолжительности рабочего дня – один из лидеров в мировом сообществе), то такой бизнес нам не очень нужен.

Если мы говорим о собственности, про это вообще не принято говорить. Мы всё как-то рынок, конкуренция... Но ключевые интересы формируются отношениями собственности, и не изменив баланс интересов, баланс власти и баланс собственности, мы проблему не решим. Да, нам надо гарантировать права собственности, но в том числе и гражданам, в том числе и государству. Одно из наших прав собственности – это право на природную ренту. Мы должны получать всё, что принадлежит России в её экономических результатах, и не только нефть и газ. Это право собственности у нас сегодня, мягко говоря, не полностью реализовано. Нам важно понять, что креатосфера – это сфера, где создаются человеческие качества, это образование через всю жизнь от детского сада и яслей до переквалификации работников, интересной занятости пенсионера. Это сфера

FILE_001

творческой деятельности. Это сфера, где люди могут работать на основах самоуправления. Это не кухарки, они не идиоты ни в Академии наук, ни в университете, ни в школе. Над ними ставят менеджера, их превращают в марионетки, заставляют максимизировать деньги.

Креатосфера – это сфера общественных благ, она такой и должна быть, и это возможно даже в рамках капитализма.

Работники имеют право! Сегодня работник – это скот, даже если он не иммигрант. В экономике могут работать отношения солидарности. О том, что бывают коллективные и кооперативные предприятия, в России стараются не говорить, в мире это небольшой, но очень реальный сектор. И неправительственные и неприбыльные организации – это самый быстрорастущий сектор. Есть масса форм социализации собственности, и самое главное здесь – прогресс собственности каждого...

Социальная справедливость. Недавно прошла информация, в одном из скандинавских городов собственника полутора миллиардов евро оштрафовали на 70 тыс. евро за то, что он не вовремя остановился, пропуская пешехода. Миллиардер сидит за рулем, не пропускает пешехода и платит пропорционально своему доходу. Это мелочь, но она показывает, как может работать социальный капитализм.

Если у нас сегодня система перераспределения будет такой же, как в Скандинавии, минимальная зарплата будет 15 тыс. рублей, реальная медианная зарплата повысится с 23 тыс. рублей до 30 тыс. с лишним. Ничего не надо делать, только по-другому распределить богатства. Если вы скажете, что бизнесмены не имеют стимулов в Скандинавии, я вам не поверю. Самые инновационные бизнес-структуры там.

[01:30:14]

Ресурсы. Не буду про них рассказывать, но если всё то, что я говорил, сделать, у нас появится несоизмеримо больше средств. А если мы ещё сократим в разы паразитические (нрзб.) [01:30:23], то эти средства увеличатся на порядок. И я не ошибаюсь – в 10 раз. Потому что у нас чиновников в 2,5 раза больше, чем в плановой и бюрократической советской системе.

Наконец, последняя геополитическая очень важная тенденция. Мы сегодня всё чаще говорим о том, какой замечательный Трамп, Ле Пен и прочие деятели. Если мы получим мир, в котором будут «умеренные» националисты править бал, они начнут, как Трамп, увеличивать военные бюджеты, то мы окажемся на пороге Третьей мировой войны. Это ложь, что нет другой альтернативы для современной неолиберальной глобализации кроме национализма, шовинизма и правой консервативной повестки дня. Есть альтернатива, есть интернационалистская альтернатива. Это неправда, что у нас нет других путей, кроме как надеяться на армию и флот. Я ненавижу эту фразу Александра III. Нам нужна армия, нам нужен флот и военные силы, но если нас будут бояться и только – это будет позор для страны. Я хочу жить в стране, которую любят и уважают прежде всего

за талант, за то, что она работает вместе с другими над повесткой дня экономики для человека. Спасибо!

Руслан Гринберг: Как вы знаете, есть три знаменитых вопроса русской интеллигенции: кто виноват? Что делать? И где мои очки? Мы покрыли вопрос «кто виноват?» Мне бы не хотелось заканчивать нашу сессию на пессимистической ноте. Как научный руководитель Института экономика должен сказать, что институт готовит большой аналитический доклад по поводу того, что происходит в России, и что надо было бы сделать. Мы пытаемся не быть пристрастными, это не удастся, но всё-таки пытаемся. И пытаемся какую-то позитивную повестку предложить. Главные пункты там, конечно, человеческий капитал, заработная плата, профессии, как это всё делать. Не буду вдаваться в подробности. У нас очень важная повестка дня, связанная с механизмами инновационной экономики, где мы очень сильно проиграли в последние 25 лет. И конечно, политика ЦБ, для нас это очень серьезная специализация в Институте экономики, мы предлагаем свои варианты.

Но одна из самых важных особенностей нашей программы – это, конечно, инфраструктурные проекты, объекты. Наша страна очень плохо развита с точки зрения использования пространственного капитала. У нас есть очень мощный природный потенциал, он используется. Плоды его, как сегодня говорили, используются очень неравномерно, но используются. Есть интеллектуальный потенциал, который тоже используется, но к сожалению, многие любознательные юноши и девушки, которые получают ещё хорошее образование в стране, укрепляют могущество наших конкурентов.

Есть ещё и третий потенциал, который совсем не используется, и который мне кажется для нашей страны единственной альтернативой для её выживания и цивилизационного развития – это пространственный капитал, пространственный потенциал.

Здесь мы хотим продемонстрировать, как мы это видим. В нашем институте разрабатывалась эта тема. К счастью, ею заинтересовались и в Кремле, и в правительстве. Скоро на Совете безопасности будет обсуждаться эта тема. Я очень горжусь, что мы это делаем. И руководитель группы, которая делает этот проект, бывший министр экономики России Иван Валентинович Стариков, он покажет на экране, как мы хотим преобразовать Россию.

Иван Стариков: Попрошу включить фильм, кто читал Олдмана «Эмоциональный интеллект», исходя из этих заветов. Здесь представлена история создания великого сибирского рельсового пути, сейчас идет юбилейный сотый год с начала запуска в эксплуатацию этого самого успешного инфраструктурного проекта в мировой истории.

Когда Александр III принимал решение о начале строительства в 1891 году, был издан соответствующий рескрипт, и у него было много критиков, в том числе и из моего либерального лагеря, потому что с точки зрения чисто экономики, строительства, во-первых, ещё не было двигателя внутреннего сгорания – кирка, лопата, тачка, кайло. Вы видите хореографию? Недавно фильм «28 панфиловцев», была хореография танкового

боя. Вот здесь хореография созидательного осмысленного человеческого труда. 25 лет над строительством Транссиба работало в среднем 90 человек. Это не был труд заключенных, эзков, это был вдохновленный труд русского народа. Именно Транссиб позволил Петру Столыпину переселить почти 7 млн крестьян малоземельных из европейской части за Урал, и мои предки переехали в 1910 году, где сейчас Новосибирская область, где спустя 50 лет родился я.

В истории всё повторяется. На сегодняшний день Россия стоит перед новыми вызовами. Иван Ильин правильно сказал, что один из главных вызовов – и Руслан Семенович это заметил – это огромная территория с 17 миллионами квадратных километров, раскинувшихся между Восточной Азией и Европой.

Давайте посмотрим, какие вызовы стоят сегодня перед Россией? Во-первых, мы же видим, что нарастает, что чувствуется, ослабляется контроль центральной российской власти над территорией Москвы, что по Маккиндеру называется евразийским «Хартлендом». Закрепляется и формируется абсолютно бесперспективная сырьевая модель, и ничего не предлагается. Продолжается распад научно-технологического потенциала. Критический износ национальной инфраструктуры и так далее. Из-за этого коррупция, десятый вызов.

По (нрзб.) [01:39:21] только эффективные ответы на концентрированные исторические вызовы позволяют обеспечить выживание, развитие и процветание государства-цивилизации. Россия – безусловно, государство-цивилизация.

Когда в 2008 году Пол Кругман получил Нобелевскую премию за работу «Пространственная экономика», наш Институт экономики решил, что это общий наш путь. Смотрите, Россия расположилась между рынками с общим населением в 4 млрд потребителей. Канада, Австралия – тоже большие страны, но России в этом смысле повезло. В прошлом году туда-обратно прошло порядка 1,4 млрд тонн грузов.

[01:40:14]

Шелковый путь в обход России. Это вызов. Китай при всей **скаятности** и скупости китайцев, бьет свой Шелковый путь. Мы знаем, что 70% всех портовых мощностей в мире принадлежит Китаю. Тем не менее, в октябре 2015 года принята программа «Китайская мечта 2049», где в конце написано: «В 2049 году, столетнему юбилею образования КНР, Китай должен стать самой могущественной и влиятельной страной на земном шаре». Я с этим не согласен, поэтому Китай идет к Босфору. Россия может предложить свой транспортный коридор от Пасьета – это один из соратников Александра III, помогающий ему принять решение, это уникальная бухта, небольшой городок рядом с Владивостоком, – до Роттердама. Вот маршрут этого пути.

23 субъекта РФ. Как это повлияет на валовой региональный продукт? Посчитали три варианта. По бюджетной эффективности, аграрные проекты, все показатели говорят о целесообразности начала реализации такого проекта.

Транстихоокеанское партнерство, которое пытается разрушить Трамп, здесь я с Бузгалиным абсолютно согласен. Транстихоокеанское партнерство, куда, кстати, не пригласили Китай, объединило страны, которые генерят 40% глобального ВВП и более 25% мировой торговли. Кроме Суэцкого канала у такого восточного объединения нет коридора. Суэцкий канал – это, во-первых, минимум 30 дней, и это всё-таки территория исламского мира, зона больших военных и политических рисков для глобальной транспортной логистики. Россия могла бы предложить и сказать, что логистика, которая связывает такие рынки, должна опираться и стоять твердо на двух ногах – южнокитайской и российской.

Стоимость строительства. Мы посчитали, на прошлой неделе у РЖД было совещание, они тоже считали методику, которую предложил Руслан Семенович Гринберг. Мы оценили всё, что построено в мире в части скоростного движения, 240 км/ч, хочу напомнить, что скорость движения грузов в системе РЖД сегодня составляет порядка 11 км/ч. При этом в Китае порядка 70 км/ч, в Европе порядка 60 км/ч. Вы понимаете, что это вопрос глобальной конкурентоспособности.

Вышли на 18 трлн рублей. 9600 км – российская часть этого маршрута. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, учредителем которого в том числе выступила Россия, здесь представлена логистика, которая должна опираться на два. Как это повлияет на экономику, начиная с 7 млн новых рабочих мест, новая урбанизация, индустриализация страны, новый центр притяжения труда, капитала и силы. Социальная сфера, политика, Россия возвращается опять в высшую лигу, предложив этот проект глобального сотрудничества и Западу, и Востоку на основании проекта долговременного сотрудничества.

В конце концов, коллеги, помнить о прошлом нужно, но жить прошлым нельзя. Сегодняшняя сессия называется Confused map. Согласитесь, звучит похоже по-русски на «skonфуженный». Конфуз для нынешней российской власти, что она не может предложить нации никакой осмысленный проект национально-государственного будущего. Такой проект есть. И я очень надеюсь, что завтра на рабочей группе Совбеза, где будет докладывать в том числе Руслан Семенович Гринберг, этот проект будет поддержан и мы, увешанные Caterpillar, Komatsu построим этот транспортный коридор, и дадим стратегический позитив для нации, чтобы выйти из апатии, уныния, и проветрив страну от чудовищного запаха боярышника – запаха бедности, беды и безысходности. Спасибо.

[01:45:12]

Руслан Гринберг: Сто лет назад, когда был хаос и непонятно, что происходит, один человек сказал: есть такая партия. Через сто лет Институт экономики говорит: есть такой проект.

Сейчас каждому из выступающих даю по одной минуте для подведения итогов и ответа на мой вопрос, если они хотят это сделать. Давайте начнем от Бузгалина.

Александр Бузгалин: Если начать с Бузгалина, то это начать с крайнего левого фланга, и ответ будет такой: ни один проект не будет реализован в России иначе, как путем разбазаривания средств, если мы не изменим серьезно ту систему общественных отношений, о которой я говорил. Если вас интересует как – многолетние разработки, которые могут стать достоянием всех, концентрированно в докладах вы можете получить на выходе из зала. Андрей Калганов, мой соавтор, получайте и спорьте. Есть на сайте МЭФ, на сайте альтернатив. Давайте спорить все вместе, это серьезные реформы именно общественных отношений.

Юрий Болдырев: Уважаемые товарищи, поймите правильно, не выступаю против замечательных проектов Института экономики РАН, но хотел бы напомнить две вещи. Первое: Александр III и вся Россия строили Транссиб не для того, чтобы стать мостом между одними и другими, а для развития своей страны, в расчете прежде всего на внутренние потоки товаров и людей.

Второе. А судьба Панамы, судьба Египта с Суэцким каналом вообще ни о чем не говорит? Может ли великая, самая крупная в мире держава рассматривать себя как главный стратегический проект, прежде всего стать транспортным коридором для других? Да категорически нет. Россия должна ставить перед собой задачу прежде всего стать самодостаточным. Можно использовать как временные элементы такие транспортные элементы? Конечно, пожалуйста. Но нельзя это рассматривать как стратегию развития, тем более, если будут работать Komatsu и Caterpillar. Если на этом проекте будут работать не белорусские МАЗы и наши КАМАЗы, а Komatsu и Caterpillar – всё коту под хвост.

И последнее. Уважаемые товарищи, должен предложить корректировку некоторого тезиса уважаемого коллеги: национализм сегодня – это не противопоставление татар и русских, немцев, итальянцев и французов. Это противопоставление интересов наций интересам глобального капитала. И в этом смысле сегодня созидательные националисты смыкаются, как ни парадоксально, и с интернационалистами, отстаивающими права трудящихся. И я надеюсь, такого единства всех национально ориентированных сил нам удастся добиться. Спасибо.

Александр Бузгалин: За нацией, как правило, стоит номенклатура, соединяющая в себе интересы бюрократии и крупного капитала.

Руслан Гринберг: Александр Владимирович, это уже нарушение наших правил.

Александр Бузгалин: А у нас демократия.

Иван Стариков: Поверьте, пепел класса тоже стучит в мое сердце, но как один из неплохих политиков прошлого века Джон Фицджеральд Кеннеди сказал: «Те, кто не дают произойти мирной революции, делают насильственную революцию неизбежной». Этот проект – мирная революция. Безусловно, его реализация – это вопрос создания международного консорциума. Я вас уверяю, будут механизмы для предотвращения нашего традиционного рабства.

Это вопрос встраивания России в глобальное разделение труда в том числе, это диверсификация (нрзб.) [01:49:57] сырьевой модели, использование объективного потенциала. Рассыпающуюся бочку России нужно стянуть новым стальным обручем, а иначе, как сказал Игорь Губерман: «Где лгут и себе, и друг другу, и память не служит уму. История ходит по кругу, из грязи по крови во тьму». Давайте выйдем из круга непрерывных насильственных революций, и проведем мирную революцию через глобальный инфраструктурный проект.

Марко Риччери: Конечно, не думаю сейчас говорить о техническом анализе, но господин Кейнс писал, что есть две пирамиды, и я посмотрел на эту карту, по этой железной дороге, сделать путь от Владивостока до западных границ Европы. Надеюсь, кто понимает инженерную составляющую и транспортные вопросы, изучит этот проект очень внимательно.

Руслан Гринберг: У нас очень важная панель в том смысле, что мы расходимся, я бы сказал, не с филологических расхождений, а вот никак не могу согласиться с тем, что национализм, если это экономический или ещё какой-то, какую-то положительную коннотацию может иметь. Патриотизм для меня – совершенно очевидная вещь. И почему бы нет? Но когда сегодня говорят об экономическом национализме в хорошем смысле слова – мне кажется это странным.

[01:51:57]

Вообще-то очень правильная метафора Болдырева была, что если в дремучем лесу заплутали два человека, которые по-разному относятся к опере, это не повод, чтобы им разойтись. А мы действительно находимся в этом дремучем лесу. Поэтому, конечно, точки соприкосновения, поиск зон фактической солидарности – это единственное, что нас всех может фактически спасти.

Мужчина: Пожалуйста, не сделайте ошибок. Национализм – это не патриотизм. Патриотизм – это чистое искусство. И конечно, глобальные процессы – это рецепт для того, чтобы избавить вас от каких-то национальных катаклизмов. И мы видим, что ответ для будущего – это не отходить от глобализма, как предлагают некоторые новые ученые.

Я хотел бы призвать вас к новому прагматизму, который утроит наши усилия. Это и социальные, и экологические моменты, которые дадут нам новые шансы в развитии и снизят риски, связанные с вопросами глобализации. И Китай использовал как раз этот глобализм для того, чтобы развиваться самим. И Россия это делает, и некоторые европейские страны, но не всегда в полной мере преуспевали. Не всегда удается преодолеть эти проблемы.

Да, в США существует демократия, и конечно, мы ни в коем случае не настаиваем, чтобы национализм привел к авторитарному... И экономика здесь, конечно, требует того, чтобы осуществлялись правильные шаги на основании решений большинства. И как в политических структурах найти эти решения, особенно тогда, когда они основываются на

FILE_001

решениях большинства? А мы не говорим о возрождении либерализма, а говорим о том, о чем я сказал.

[01:55:03]

Две концепции. Все наши сообщества вовлечены уже в глобальные процессы. Каким образом действовать в этих условиях, как закрытая или как открытая система? Это главная альтернатива. И невозможно действовать в рамках замкнутой системы.

Второе. Линия нового развития понятна. Мы сейчас должны скорректировать эти усилия и обеспечить устойчивое развитие, сделать так, чтобы сориентироваться от количества к качеству. И то, что касается выгодных условий, то эти новые условия должны создаваться государствами, это должна быть и кредитная система, направленная на развитие производственного сектора, именно которая будет обращать внимание на качество.

Оксана Дмитриева: В моем представлении здесь собрались очень убежденные романтики, которые, по-моему, очень плохо представляют себе, это довольно романтическое представление о том, что происходит в экономике России и в обществе. В чем суть этого романтического представления? Были кубики, из них было что-то построено. Всё разрушено. Но есть ощущение, что эти кубики можно заново собрать. Нельзя, потому что большая часть этих кубиков уничтожена. Поэтому если разгромлена РАН, может быть мораторий и приостановка реформ, она уже частично разгром произошёл. Поэтому просто вернуться в точку А из точки Б невозможно. То же самое со здравоохранением и со всем. Это первое замечание.

Всё гораздо сложнее. Легче было всё это не делать, но теперь уже сделать, и как из этого хаоса заново что-то строить, когда кубики уничтожены? Это отдельный вопрос.

Конечно, лозунги и клише красивые, но если их давать в качестве программы, они очень легко обходятся. Например, ежовые рукавицы капитализма. Вам принесут трактат и скажут – вот они, ежовые рукавицы. Внедрим – будут ежовые рукавицы. Поэтому лозунги без конкретного механизма довольно бесперспективны и легко обходятся.

По поводу вашего проекта. Я удивляюсь, что такое уважаемое учреждение как Институт экономики предложил как глобальный инфраструктурный проект на 18 трлн рублей и создание 7 млн рабочих технологический проект по мультипликатору, по отраслям, которые он создает, это проект 150-летней давности. Потому что Транссиб времен Александра III мультиплицировал рабочие места и отрасли, высокотехнологичные для конца XIX века. Но стоит ли нам мультиплицировать и создавать отрасли в начале XXI века такие? Это будет супер воровство, просто предел. Все знают, что зарыть в фундаменте – это самое хорошее, разрыть яму. Это будет 7 млн низкоквалифицированных рабочих мест, которые будут рыть лопатами это всё. Это не просто неэффективный проект, но даже муссирование его в нашем обществе мне кажется крайне вредным. За него схватятся. Очень удобно...

Олег Смолин: Было время, когда национализм играл прогрессивную роль в некоторых национально-освободительных движениях, однако я бы не стал путать национализм и защиту национальных интересов государства. Давайте договоримся: патриотизм – это любовь к своей стране, своей культуре, своему народу. Национализм – не любовь к другим культурам и народам.

[02:00:16]

Второе. Я тоже марксист как Александр Бугалин, но я здесь не потому, что дают слово, а потому что, на мой взгляд, МЭФ собирает как раз те силы, которые, не объединившись, не могут обеспечить поворот экономической политики в сторону высоких технологий и большей социальной справедливости. С моей точки зрения, это могут сделать, только объединившись, люди, политики, движения, которые представляют, с одной стороны, интерес наемных работников, и с другой стороны, интересы социального национально ориентированного бизнеса. Это для нас очень важно. Поодиночке, увы, это ни у кого не получится.

[02:01:00]

Что касается движения вперед, помните у Губермана другой текст? «Вожди России свой народ во имя чести и морали опять зовут идти вперед, а где перед, опять соврали».

Думаю, что расходясь во многих частных вопросах, мы сойдемся в том, что как минимум, для того, чтобы обеспечить необходимое возрождение страны после разлома кубиков, нам надо было бы, как минимум, включить в нашу программу три позиции: это новая индустриализация – плоды старой во многом уничтожены. Именно новая, а не просто восстановление. Это левый поворот, более справедливое распределение. И это, конечно, наращивание вложений в человеческий потенциал. Короче, образование и высокие технологии для всех и для будущего. Спасибо.

Руслан Гринберг: Я категорически не согласен с тем, что сказала Оксана Дмитриева. Мы живем в такой ситуации, когда мы не знаем, что надо делать. Откуда ждать счастья, инвестиций? Конечно, я полагаю, мы правы, потому что мы знаем, что рукотворный кризис начался после того, как закончились государственные инвестиции, большие стройки. И наши оппоненты, у них единственный аргумент против нашего проекта. Думаю, это смешное возражение, что мы хотим опять по лекалам XIX века строить дорогу. Это нелепость большая.

Сегодня стоит вопрос о том, откуда ждать инвестиции? Хочу обратить внимание, что сегодня инвестиции упали до уровня 90-го года в РФ. Среднегодовой темп роста экономики за 25 лет – 0,9%. И что же нам предлагают наши оппоненты? Они предлагают концепцию шлифования инвестиционного климата и ожидания от каких-то могущественных инвесторов, что они лежат на печи, надо им дать хорошие налоги, надо обеспечить правоприменение, и тогда начнется процветание страны. Это истинный романтизм, если не считать (нрзб.) [02:03:28] государственные инвестиции. Как ни

FILE_001

странно, мы можем иметь отвратительный государственный аппарат, и эта мантра насчет того, что своруют – это катастрофа. Только в России так объясняют, что зарюют. Ну что зарюют? Начальники сами говорят: мы не можем это сделать, потому что украдут. А ты зачем? Ты зачем, начальник? Почему не можешь отделить воров?

Короче говоря, мы заканчиваем это пленарное заседание, которое мне было очень интересно. Я благодарен за терпение и за внимание.

[02:04:17]